

РОЛЬ РОССИИ В БОРЬБЕ ГРЕЦИИ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

О. Шпаро

Вопрос об освобождении Греции от турецкого ига, поставленный в порядок дня европейской дипломатии греческой революцией 1821 г., стал в 20-х годах XIX в. одним из самых сложных вопросов мировой политики. Несмотря на реакционный характер европейской политики Александра I после 1815 г. и нерешительность его действий в отношении греческого вопроса, Россия с самого начала восстания вплоть до получения Грецией полной независимости была наиболее активной движущей силой в деле дипломатической помощи греческому народу.

Потребности дальнейшего экономического развития России в 20-х годах XIX в. снова резко поставили вопрос о необходимости расширения торговых связей с Западной Европой, свободного прохода через черноморские проливы, укрепления русского политического влияния на Балканах, овладения прочными стратегическими позициями в Средиземном море. Они требовали освобождения греческого народа из-под ига отсталого турецкого деспотизма, установления в Греции государства, свободного в своей торговой и навигационной деятельности, но находящегося в сфере русского влияния. Вследствие этого русская дипломатия вопреки всяким ухищрениям дипломатии англо-австрийской, всё время была главным инициатором вмешательства в греко-турецкую войну и установления автономии Греции, где она рассчитывала получить преимущественное влияние.

Греческая революция, начавшаяся с восстания в придунайских княжествах весной 1821 г., в течение лета охватившая наиболее крупные острова Архипелага и часть Пелопоннеского полуострова (Морея), затронула самые существенные вопросы русской политики на Ближнем Востоке и в проливах. В то время как Англия была уже сильной капиталистической державой, а Франция прочно встала на путь капиталистического развития, Россия в начале XIX в. продолжала оставаться отсталой, сельскохозяйственной страной. Однако уже тогда социально-экономический строй России начал претерпевать значительные изменения. Внутри крепостнического хозяйства дворян-помещиков быстро росли элементы новых, капиталистических отношений. Развитие товарно-денежного обращения, рост торговли, расширение производства хлеба и других сельскохозяйственных продуктов для внутреннего и внешнего рынков приводили к разложению крепостного хозяйства. «Производство хлеба помещиками на продажу,— писал Ленин,— ...было уже предвестником распада старого режима»¹.

Южные районы страны специализировались на производстве продуктов земледелия и скотоводства в значительной степени для продажи как внутри страны, так и за границу. С конца XVIII в. начала сильно развиваться торговля с Западной Европой. Росли и богатели черноморские порты, особенно Одесса, ставшая одним из самых важных торговых городов России. В связи с ростом этой торговли, главным продуктом которой был русский хлеб, расширялись посевные площади, осваивались новые зем-

¹ Ленин. Соч. Т. III, стр. 140. 3-е изд.

ли, росло население южных областей России. Рост торговли с Западной Европой и Азией через черноморские проливы явился существенным фактором в развитии тех капиталистических отношений, которые изнутри разлагали феодальную систему России. Интересы дворян и купечества, требовавшие свободы и безопасности этой торговли, в значительной мере определили постоянное стремление русского правительства к завоеванию экономических и политических преимуществ на Балканах, в проливах и в Средиземном море.

Условия Кучук-Кайнарджийского договора 1774 г., подтверждённые Бухарестским договором 1812 г., дали царской России большие экономические и политические преимущества на Дунае и в Чёрном море. Россия получила право судоходства и торговли на Дунае, право свободного прохода через проливы в Средиземное море, установила фактическую автономию Молдавии и Валахии, а затем и Сербии под протекторатом русского императора, что сильно укрепило политическое влияние России на Балканах. Приобретение права выхода в Средиземное море, закреплённое политическим влиянием, сильно способствовало экономическому развитию всего юга России. От строгого выполнения турецким правительством договоров по всем их пунктам в большой степени зависели как черноморская торговля России, так и экономическое процветание Украины.

Для России вопрос о восставшей Греции естественно связывался со всем комплексом её взаимоотношений с Турцией. Правительство Махмуда II, воспользовавшись восстанием подвластных ему христиан и обвинив Россию в разжигании этого революционного движения, постаралось фактически свести на-нет те привилегии, которые получила Россия по договорам. Оно оккупировало своими войсками княжества и приняло ряд мер, значительно затруднявших черноморскую торговлю. Ещё летом 1821 г. было наложено эмбарго на грузы кораблей, проходивших под русским флагом в Чёрное море и шедших из него. На этих кораблях производились постоянные обыски и конфискации, налагались штрафы под тем предлогом, что эти корабли якобы везут военную контрабанду для восставших греков. Из многочисленных нот протеста русского правительства, направленных Порте в 1821—1822 гг., видно, что турецкое правительство начало открыто проводить политику применения к проживавшим в Турции русским подданным (большинство из них были торговцами) всевозможных принудительных мер и уничтожения всех их торговых преимуществ путём эмбарго на хлеб, закрытия товарных складов и притеснений личного порядка, вплоть до арестов русских подданных и убийств матросов с русских кораблей². В апреле 1823 г. был выпущен фирман султана³, установивший особые привилегии для торгового судоходства Османской империи: облегалась пошлины и давалось много других льгот турецким кораблям вопреки правам и интересам торговых судов других держав.

Все эти стеснения касались главным образом России, так как они сильно мешали развитию южнорусской торговли пшеницей, рожью, ячменём и другими сельскохозяйственными продуктами, происходившей преимущественно через Одессу. Жалобы русского правительства на значительное сокращение одесской торговли, наблюдавшееся с начала греческого восстания, имели под собой серьёзные основания. Если взять цифры вывоза хлеба в течение ряда лет, то нам представится следующая картина⁴:

² Prokesh-Osten. Geschichte des Abfalls der Griechen vom türkischen Reiche. Bd. III, S. 171—173, 179. Wien. 1867.

³ Архив министерства иностранных дел (МИД) России. Канцелярия, 1823 г., д. 6922, стр. 130—143.

⁴ Данные главного статистического комитета Новороссийского края. «Журнал министерства внутренних дел» за 1854 год. Ч. 4-я, отд. III, стр. 5—7.

Вывоз пшеницы из портов Южной России (главным образом Одессы) в четвертях

1818 г.	1 306 759	1822 г.	633 202
1819 »	1 409 836	1823 »	912 267
1820 »	1 179 462	1824 »	665 991
1821 »	825 372	1825 »	917 967
		1826 »	983 727

Из этой таблицы ясно видно, что начиная с 1821 г. вывоз хлеба сильно сократился и в отдельные годы (1821, 1822 и 1824) достигал лишь 50% от вывоза предыдущих лет.

Не менее ярко иллюстрируют падение вывоза цифры общей стоимости по годам. Так, по данным А. Семёнова⁵, вывезено было:

пшеницы:	в 1820—1821 гг.	на 5 698 192 руб. серебром
	в 1824—1826 »	» 3 476 232 » »
ржи:	в 1820—1821 »	» 1 090 514 » »
	в 1824—1826 »	» 160 964 » »

Это сокращение торгового оборота южнорусских портов не могло, конечно, объясняться только принудительными мероприятиями турецкого правительства. Они были большой помехой, но основное заключалось в уничтожении греческого судоходства; последнее было одной из главных причин того, что русское правительство тесно связывало вопрос об освобождении Греции с вопросами других своих разногласий с Портой.

К началу XIX в. греки сосредоточили в своих руках большую часть всей торговли Средиземного и Чёрного морей. Они имели большой флот, производивший все торговые операции Оттоманской империи. Многие греки, особенно с островов Гидра, Псара, Сира, были богатейшими банкирами и торговцами Леванта. Они основывали богатые греческие колонии почти во всех портах Средиземного и Чёрного морей и были связаны с их европейской торговлей.

Для России, не имевшей ещё тогда своего сколько-нибудь значительного флота в Чёрном море, греки являлись главным посредником во всей её южной торговле⁶, и можно смело сказать, что успехи южнорусской торговли зависели в очень большой степени от свободы и безопасности греческой навигации. Русские купцы были также тесно связаны с греками, населявшими многочисленные колонии в южных портах и городах — Одессе, Херсоне, Таганроге и др. Вследствие этого обусловленное договорами русское покровительство христианам Оттоманской империи имело глубокие экономические корни. Это право дало возможность России политическим вмешательством во внутренние дела Турции охранять свои экономические связи с Грецией.

Турецкое правительство рядом указов в конце 1821 и начале 1822 г. почти полностью уничтожило греческую навигацию в проливах и в Чёрном море⁷. Запрещался проход через проливы торговых судов Испании, Португалии, Сицилии и Греции, не имевших торговых договоров с Портой. Суда этих стран издавна проходили проливы под русским флагом и пользовались русскими купцами для перевозки хлеба и других товаров на средиземноморские рынки. Запрещение прохода через проливы кораблей под русским флагом наносило огромный ущерб одесской торговле. Но главным образом указы Порты касались греческого судоходства, в котором русское правительство было весьма заинтересовано⁸.

Таким образом, правительство Махмуда II, объявив «священную войну» всем христианам Оттоманской империи и взяв курс на полное поко-

⁵ Семёнов А. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности. Ч. 3-я, стр. 418, 450. Приложения. СПб. 1850.

⁶ Неболзин Г. Статистические записки о внешней торговле России. Ч. 1-я, стр. 81—82. СПб. 1835.

⁷ Prokesh-Osten. Указ, соч. Т. III, стр. 431—432.

⁸ Там же, стр. 435.

рение и истребление греческого народа, в сильнейшей степени затрагивало жизненные интересы России. «В течение тридцати лет, — писал Нессельроде русскому послу в Лондоне Ливену, — греки были наиболее полезными агентами нашей торговли в Чёрном море. Если революция продолжится, наши коммерческие отношения с ними будут неизбежно парализованы и прерваны; если турки покорят Грецию, то все, кто обдумает результаты победы, достигнутой оттоманцами, согласятся с тем, что они (коммерческие отношения) непременно будут уничтожены и разрушены»⁹. «Никогда для державы не было ни более важного, ни более тесно связанного с её непосредственными интересами дела, каким являются для России её настоящие разногласия с Портой»¹⁰.

Вследствие этого русское правительство вопреки постоянному противодействию своих европейских союзников неизменно требовало вмешательства в греко-турецкую войну в пользу восставших.

Политика России в вопросе о независимости Греции нанесла непоправимый удар господству в Европе Священного Союза. Она оказалась в коренном противоречии с основными принципами и деятельностью Священного Союза, стремившегося увековечить национальное угнетение и искоренить всякое упоминание о свободе народов. Непосредственные интересы господствующих классов России, связанные с ближневосточными делами, заставляли двух реакционнейших монархов — Александра I и Николая I — пойти в греческом вопросе вразрез с главной контрреволюционной направленностью Священного Союза и требовать помощи «мятежникам», восставшим против своего «легитимного» государя.

Александр I вопреки всем своим депешам и декларациям периода Лейбахского и Веронского конгрессов, предававшим анафеме революционных греков, не оставлял греческого вопроса даже во время отставки Каподистрии и видимого триумфа Меттерниха. Он умело использовал сочувствие грекам со стороны передового общественного мнения России и всей Европы для энергичного давления на Турцию.

Колебания в русской политике первых трёх лет греческого восстания объяснялись не столько монархическими «принципами» Александра I, сколько общим противодействием европейских держав стремлениям России утвердить своё влияние в Константинополе и в Греции. Восточный вопрос интересовал не одну только Россию. «По признанию самого британского министра Кэстльри, результат его разрешения должен иметь большое влияние не только на устойчивость европейской системы, но также на единодушие между кабинетами в союзе»¹¹, — писал русский посол в Лондоне Ливен.

Позиции Австрии, Англии и затем Франции были резко враждебны стремлениям России. Главную роль играли Австрия и Англия; Франция, утерявшая свои позиции в Средиземном море, ещё очень слабая в политическом отношении, не могла оказать противодействия и лишь молчаливо поддерживала англо-австрийскую политику.

Австрия, приобретающая по Венскому трактату богатейшие населённые славянскими народами земли на северо-западе Балканского полуострова, естественно, была заинтересована в полном подавлении греческой революции, которая могла послужить примером для населения этих областей. С другой стороны, марш русских войск к Константинополю и укрепление позиций России на Балканах путём создания там зависимых от неё княжеств было весьма нежелательно для австрийской дипломатии, так как это могло лишить Австрию её влияния и торговых преимуществ в Турции

⁹ Архив МИД. Канцелярия, 1824 г., д. 6939, стр. 17.

¹⁰ Там же, стр. 10—11.

¹¹ Prokesch-Osten. Указ. соч. Т. III стр. 239.

и у балканских народов. Единство и неделимость Османской империи были для австрийского императора известным залогом прочности его собственных владений.

Этим и объяснялась вся реакционная политика Меттерниха в греческом вопросе: открытая поддержка военно-морскими силами султанского правительства в борьбе с греческими повстанцами и курс на быстрейшее и полное подавление революции и упорная дипломатическая борьба за отвлечение России от войны с Турцией.

Аналогичной точки зрения придерживался и министр иностранных дел Англии Кэстлри, а за ним, в первые годы своей деятельности, и его преемник — Джордж Каннинг.

Английские консервативные политики считали, что неделимость Османской империи, отсталой, пришедшей в упадок, разлагающейся по частям, раздираемой революционными движениями поработанных ею народов, должна быть сохранена любой ценой, чтобы уравновесить силы европейских держав, сдерживать стремления России и обеспечить дальнейшее экономическое и политическое проникновение британской буржуазии в Средиземное море и на Балканы. Единственной задачей «цивилизованных народов», по их мнению, была локализация революционного движения в пределах Османской империи и его подавление, а за всем этим главная мысль — удержать Россию от войны с Турцией, которая может привести к распространению русского влияния в проливах и в Греции.

Оценивая соотношение политических сил в восточном вопросе, К. Маркс писал: «В то время как Россия совершенно спокойно и не боясь ничего совершала своё дело раздробления Турции, западные дипломаты продолжали гарантировать и поддерживать *status quo* и неприкосновенность Турции. До тех пор, пока эта традиция будет руководящим правилом западной дипломатии, девять десятых населения Европейской Турции будет видеть в России свою единственную опору, свою освободительницу, своего мессию»¹².

Исходя из традиционного стремления английской политики поддерживать «равновесие сил» в Европе, Кэстлри, а за ним и Каннинг действовали долгое время в одном направлении с Меттернихом. Их общей целью было предотвратить русско-турецкую войну, а для этого заставить Россию восстановить дипломатические сношения с Портой. Поэтому лорд Странгфорд, английский посол в Константинополе, был уполномочен уговорить Порту согласиться на требования русского ультиматума, восстановить все права России, принадлежавшие ей по договорам, во избежание войны, столь нежелательной для держав и столь опасной для неё самой. Немедленно после отзыва русского посла из Константинополя начались бесконечные и в большинстве случаев бесплодные переговоры Странгфорда с reis-эффенди и великим визирем, в которых он настаивал на быстрейшей эвакуации турецких войск из княжеств, назначении господарей из бояр и прекращении стеснительных мер против русской торговли¹³.

Страх английского правительства перед реальной угрозой восстания на Ионических островах, губернатор которых Томас Мейтланд свирепо преследовал свободолюбивых греков, ещё больше сближал Кэстлри с Меттернихом. По их настоянию в конце 1821 г. послы Англии, Австрии, Франции и Пруссии в Константинополе направили грекам воззвание, в котором советовали им добровольно подчиниться турецкому султану и «раскаяться», ибо, как говорилось в этом документе, «всякое восстание против законного монарха равно порицается как высокой моралью святого евангелия, так и принципами чистой политики»¹⁴.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IX, стр. 394.

¹³ Отчёты о них см. Архив МИД. Канцелярия, 1822 г., д. 6916 и 1823 г., д. 6922, а также Prokesh-Osten. Указ. соч. Т. III, стр. 265—278, 410—414.

¹⁴ Prokesh-Osten. Указ. соч. Т. III, стр. 169.

В 1823 г. Каннинг несколько изменил этот традиционный курс английских тори и наряду с продолжавшимися попытками примирить Россию с Портой начал проводить политику видимого покровительства грекам, засылая к ним своих агентов с целью привлечь их симпатии на сторону Великобритани, но отнюдь не выходя за рамки пресловутого британского «невмешательства»¹⁵. Вся политика Каннинга в греческом вопросе в первую очередь определялась постоянным беспокойством британской буржуазии по поводу того, что начавшееся разложение Османской империи и освобождение народов Балкан и Греции от турецкого ига дадут возможность России усилить свои позиции в Европейской Турции и в Средиземном море.

Всё это заставило Александра I действовать чрезвычайно осторожно: отступать, лавировать, идти на уступки Меттерниху, давать клятвенные заверения в ненависти к «бунтовщикам» и в верности принципам Священного Союза и даже дать отставку министру Каподистрия, известному своими симпатиями к грекам.

Джордж Каннинг позднее в письме к Генвиллю так определил позицию русского императора: «Но вряд ли он решится идти на войну вопреки протестам Австрии и Франции и против Англии, которая протестовала очень давно и теперь, не связанная никакими обязательствами или участием в совещании, стоит в стороне,— я не верю в то, что он будет этим рисковать»¹⁶.

И действительно, Александр I не хотел ставить вопрос о греках решительно, прежде чем политическая ситуация не изменится в его пользу. Желая сохранить свои приобретения в Европе и остаться одним из могущественнейших руководителей европейской политики, он не хотел разрушать созданный им концерт монархов. Вся его политика вплоть до осени 1825 г. была направлена к тому, чтобы, не выходя из рамок Священного Союза, получить санкцию остальных держав на единоличное разрешение Россией греческой проблемы. Постоянное требование «коллективного» вмешательства в греко-турецкую войну означало только эту санкцию.

Но подобной санкции ни Австрия, ни Франция так никогда и не дали Александру I. Наоборот, они вместе с Англией прилагали все усилия, чтобы отвлечь его от «опасных намерений».

Следует отметить, что с самого начала греческого восстания турецкое правительство дало России достаточно весьма веских поводов для серьезных претензий. Весной 1821 г., когда восстание, частично задушенное в Молдавии и Валахии, начало распространяться по островам и Морее, султан предпринял ряд шагов, нарушавших статьи русско-турецких договоров. В конце апреля он объявил «священную войну против неверных», т. е. против всех христиан, населявших Османскую империю,— и началась страшная резня в Константинополе и его окрестностях. Было убито и повешено большое количество христианских священников и других служителей церкви, а также более 10 тыс. православных подданных султана, якобы связанных с восставшими¹⁷. Огромный взрыв возмущения в России и по всей Европе вызвала казнь 84-летнего патриарха православной церкви Георгия. Вслед за этим по всей стране начались погромы христианского населения. Такая политика турецкого правительства дала право России в силу 7-й статьи Кучук-Кайнарджийского трактата о покровительстве православным вмешаться во внутренние дела Порты. Как писал Нессельроде русскому послу в Австрии Головкину 22 июня 1821 г., «наша позиция по отношению к Турции резко изменилась с тех пор, как она объявила религиозную войну и уничтожение народа, к которому

¹⁵ См. мою статью «Внешняя политика Каннинга и греческий вопрос (1822—1827)» («Вопросы истории» № 12 за 1947 год).

¹⁶ Stapleton A. George Canning and his time, p. 464. London. 1859.

¹⁷ Driault E. et Lérétier N. Histoire diplomatique de la Grèce. Vol. I, p. 136—140. Paris. 1925.

«единство культа и положительные условия договоров утверждали постоянный и искренний интерес императора»¹⁸.

16 июня 1821 г. Россия послала правительству Турции решительную ноту протеста против насилий над православными и нарушений свободы навигации в проливах¹⁹.

Вслед за тем была послана конфиденциальная депеша русскому послу в Константинополе барону Строганову с приказанием в случае, если султанское правительство будет продолжать систему насилий, покинуть вместе со своей миссией турецкую столицу²⁰. Вскоре последовал разрыв дипломатических отношений и отъезд русской миссии из Константинополя.

В ультиматуме, на который Порты ответила отказом, Россия требовала восстановления мира и спокойствия в Греции и умиротворения Молдавии и Валахии в духе договоров на длительных и прочных основаниях; немедленного восстановления разрушенных церквей; возвращения всех прерогатив свободы и неприкосновенности христианской религии; проведения резкого отличия виновников восстания от невинных²¹.

В конце ультиматума совершенно ясно было сказано, что требования касались в первую очередь Греции: «Россия считает себя строго обязанной предоставить им (грекам) помощь, потому что их преследуют; покровительство, потому что она имеет на это право; поддержку совместно со всем христианским миром, потому что она не может отдать своих братьев по религии во власть слепого фанатизма»²². В этом же ультиматуме русское правительство объявило, что будет добиваться для греков «необходимых уступок в их гражданском существовании».

На протяжении ряда лет русская дипломатия упорно повторяла вопреки всем «примирительным» усилиям англо-австрийских политиков, что наотрез отказывается восстановить дипломатические отношения с Турцией. Используя упрямство султана, она прямо заявляла, что Россия не восстановит дипломатических отношений с Турцией прежде, чем Греция не получит приемлемого для неё автономного устройства. В то же время (1822—1823 гг.), когда Меттерних и его верный слуга Генц трубили на весь мир о своей «полной победе» над Александром I и об его «окончательном» отказе от поддержки «греческих мятежников», подобные заявления в русских дипломатических депешах иностранным дворам становились всё чаще и настойчивее.

В результате англо-австрийской политики дипломатических проволок греческие повстанцы в течение ряда лет вели освободительную войну с турками, не получая военной помощи извне. Нерешительность царя, его нежелание резко порвать с европейскими союзниками и немедленно направить войска на помощь грекам вызывали справедливое возмущение в передовых общественных кругах России.

Самоотверженная борьба греков за своё национальное освобождение вызвала горячее сочувствие в русском народе, издавна считавшем греков, так же как и народы Балкан, своими братьями, связанными с ним старинными культурными, экономическими и религиозными связями. Поэтому война с «неверными» турками за свободу Греции и балканских народов считалась справедливой, освободительной. Прогрессивно настроенная часть русского офицерства и дворянства, возглавляемая декабристами, приняла известие о начавшемся греческом восстании с восторгом. Пушкин и декабристы — Рылеев, Кюхельбекер, Раевский — посвятили греческому восстанию ряд прекрасных поэм и стихотворений. Уже в мар-

¹⁸ Prokesh-Osten. Указ. соч. Т. III, стр. 89.

¹⁹ Там же, стр. 91.

²⁰ Там же, стр. 92—95.

²¹ Там же, стр. 95—101.

²² Там же, стр. 100.

те 1821 г. был кем-то в Москве тайно переведён «Военный гимн» греческого поэта-революционера Рига, скоро ставший известным всему городу. В. Ф. Раевский, арестованный в феврале 1822 г., писал в Тираспольской крепости стихотворение «К друзьям в Кишинёв», где, намекая на греческое восстание, выражал уверенность, что оно «пробудит... народный сон и гидру дремлющей свободы».

В июне 1824 г. Пушкин писал А. Н. Раевскому: «Ничто ещё не было так народно, как дело греков, хотя многие в их политическом отношении были важнее для Европы».

Декабристы с большим вниманием следили за ходом греческого восстания. Они тщательно изучали устройство и опыт греческой тайной революционной организации Гетерии. Есть сведения, что декабристы знали о существовании на территории России этого тайного общества греков, основанного в 1814 г. в Одессе с целью подготовки восстания. С 1816 по 1818 г. центр этого союза находился в Москве, и после перенесения его снова в Одессу в Москве были оставлены два энергичных члена союза, связанных не только с греками, но и с русскими. В союз входили три брата Ипсиланти (офицеры русской службы), один из которых руководил впоследствии восстанием в Дунайских княжествах, а два других были активными членами греческого временного правительства и пламенными борцами за греческую независимость. По сведениям В. Семевского, в июне 1821 г. в одном доме в Петербурге читалось донесение Пестеля о начале греческого восстания, составленное им на основании материалов, собранных во время служебной командировки на границу с Молдавией. В этом донесении особенно подробно описывалось устройство Гетерии²³.

Горячие симпатии к грекам, широко распространившиеся среди передового дворянства России, явились выражением национально-освободительных и революционных идей, охвативших его перед декабрьским восстанием. Сочувствие идее национального освобождения у декабристов переплеталось с сознанием того, что для экономического прогресса России представляет чрезвычайную важность укрепление её позиций на Балканах и в Средиземном море путём расширения торговых связей с греческим народом и распространения в Греции русского политического влияния.

Декабристы, «провозвестники русской буржуазной революции», горячо осуждали реакционную европейскую политику Александра I и дворянско-династической клики во главе с Нессельроде в период 1820—1824 годов. Это направление внешней политики противоречило национальным интересам России, тормозило буржуазный прогресс, начавшийся внутри феодально-помещичьего строя. Оно шло вразрез не только с экономическими потребностями страны, но унижало её политический престиж как великой державы, воевавшей в 1812—1814 гг. за национальную независимость народов.

Декабристы возмущались нерешительностью царя в греческом деле. Они считали необходимым полный разрыв с политикой Священного Союза и немедленное военное выступление на помощь Греции. Декабрист А. Поджио с негодованием говорил Матвею Муравёву: «Политика государя нашего, прежде движимая избавлениями народов, теперь обратилась в подавление их... Довольно известно всегдашнее покровительство правительства нашего к единоверным нашим, угнетённым грекам. Со времени Екатерины Второй сие покровительство не прерывалось по 1820 год... Торговля наша южная от упадка своего со времён восстания греков перешла бы к самому цветущему положению господствованием

²³ Семевский В. Политические и общественные идеи декабристов, стр. 251—252. СПб. 1909. Семевский напечатал полностью этот документ, извлечённый из Военно-учёного архива главного штаба.

над торговлею всего Востока»²⁴, если бы войска, направленные тогда же на границу, были предназначены для войны с Турцией, добавляет он.

Декабрист Фонвизин в статье «Обозрение проявлений политической жизни в России» писал об «общем негодовании русских против Александра за бесчеловечное равнодушие его к страждущим единоверцам-эллинам, которые были вправе ожидать от него не только симпатического участия, но и деятельной помощи, тем более, что с давних времён Россия возбуждала греков против их угнетателей и обещала им независимость»²⁵.

Говорили в своих показаниях о недовольстве внешней политикой Александра I и Каховский, и Никита Муравьёв, и Н. И. Тургенев²⁶. Все они выражали настроение русского передового общественного мнения. Без сомнения, это настроение должно было учитываться Александром I и толкало его к более решительным действиям на дипломатической арене.

С другой стороны, активизация английской агентурной работы в Греции и признание Каннингом 25 марта 1823 г. права греков как воюющей державы заставляли Александра I действовать более решительно. Не отделившись ещё от надежд на санкцию европейских держав, Александр I в ноябре 1823 г. решительно потребовал созыва конференции в Петербурге для обсуждения греческого вопроса. Он ждал, что эта конференция будет подобна Лейбахскому и Веронскому конгрессам, и рассчитывал на взаимность своих союзников. Получив согласие Вены, Парижа, Берлина на участие в ней и ожидая сильно задержавшегося ответа Каннинга, Александр I написал и разослал всем союзным дворам свой знаменитый Мемуар от 9 января 1824 г.²⁷, главные принципы которого легли в основу последующих соглашений относительно Греции.

Желая добиться согласия европейских держав на освобождение Греции от турецкого ига при помощи русского оружия, Александр I, а за ним и Николай I стремились к установлению в Греции такого режима управления, который мог бы обеспечить наиболее сильное политическое влияние России в этой стране. Их планам больше всего соответствовало создание из Греции автономных княжеств, свободных в своей коммерческой деятельности, наподобие Молдавии, Валахии и Сербии, являвшихся русской опорой на Балканах. Принимая во внимание эти соображения, Александр I и составил свой Мемуар.

Согласно этому Мемуару, Греция должна была быть разделена на три самоуправляющиеся княжества при сохранении сюзеренитета Порты с уплатой ей ежегодной дани, соответствующей размерам и ресурсам каждого княжества. Султан не должен был посылать туда ни губернаторов, ни пашей, и все общественные должности замещались туземцами. Княжества и греческие острова должны были пользоваться полной свободой торговли и правом иметь свой флаг.

В депешах послам союзных держав Нессельроде писал: «Сегодня мы в нашем Мемуаре заявляем, что если вопрос будет откладываться далее, то он усложнится самым угрожающим образом... Пока существуют волнения в Греции, отношения России с Портой, даже установленные полной эвакуацией княжеств, не смогут основываться на прочном фундаменте»²⁸.

Мемуар Александра I об «умиротворении» Греции ясно заявлял о желании русской дипломатии создать из Греции фактически самостоятельные княжества, достаточно сильные, чтобы не зависеть от власти

²⁴ Из дела подполковника Поджио Довнар-Запольский А. Мемуары декабристов. Вып. I, стр. 202. Киев. 1906.

²⁵ «Обозрение проявлений политической жизни в России М. А. Фонвизина», стр. 85. М. 1907.

²⁶ «Из писем и показаний декабристов». Под редакцией А. К. Бороздина. СПб. 1906.

²⁷ Архив МИД. Канцелярия, 1824 г., д. 6939, стр. 24—27; Prokesh-Osten. Указ. соч. Т. IV, стр. 62—73.

²⁸ Архив МИД. Канцелярия, 1824 г., д. 6939, стр. 268.

султана в своей коммерческой деятельности (свобода торговли, право иметь флаг), во внутреннем самоуправлении, и в то же время достаточно слабые, чтобы искать постоянной помощи державы-покровительницы. Несомненные преимущества, получаемые Россией от такого устройства Греции, были вполне ясны для руководителей европейских держав. Однако все они поспешили выразить своё согласие с предложенным Россией планом: он должен был послужить основой для предполагаемых переговоров на Петербургской конференции, которые западноевропейская дипломатия намеревалась затягивать как можно дольше.

Цели России были ясны для английской дипломатии, которая в это время продолжала вести в Греции весьма активную политику по утверждению британского влияния. Под предлогом того, что обе враждовавшие стороны отказывались от посредничества на основе условий русского Мемуара, Каннинг не дал полномочий своему послу участвовать в Петербургской конференции. В ответ на этот отказ Нессельроде послал ему от имени русского кабинета письмо, полное возмущения, и уполномочил Ливена больше не говорить в Лондоне ничего, касающегося восточного вопроса²⁹. Отстранение Англии поставило Александра I лицом к лицу с его австрийским союзником.

Убедившись после ряда весьма длинных и совершенно бесплодных переговоров в Петербурге с послами Австрии, Франции и Пруссии, что Меттерних использовал эти переговоры лишь для новых проволочек, чтобы дать время султану окончательно подавить греческое восстание, Александр I в последние месяцы своей жизни разорвал русско-австрийский союз и отказался от «общевропейской» политики, которой сам руководил в течение десяти лет.

В начале августа 1825 г. он разослал послам в Вене, Париже и Берлине строгие инструкции прекратить всякие обсуждения с их правительствами восточных дел. Он объявил, что отныне не станет больше обращаться к совету Европы и будет действовать только в соответствии с интересами России³⁰. Затем русскому уполномоченному в Константинополе Минчиаки были посланы инструкции вести переговоры с Портой самостоятельно, безотносительно к действиям послов других держав. С этого же времени начались деятельные приготовления к войне, происходили совещания с Витгенштейном, командующим южной армией, и адмиралом Сенявным.

Эта политика означала начало распада Священного Союза. Александр I пришёл к выводу, что только война сможет дать России полное удовлетворение её требований. Но русская дипломатия не могла действовать вполне самостоятельно. Настороженное отношение Европы к восточной проблеме и к действиям России, заинтересованность двух великих держав, Англии и Австрии, и возрождающийся интерес Франции были грозным противовесом единоличному выступлению России. Разорвав со своими европейскими союзниками в целом, Россия должна была искать отдельных соглашений с державами, интересы которых могли совпадать с её интересами в тех или иных пунктах вопроса об освобождении Греции.

Крах посреднической политики англо-австрийской дипломатии и обострение русско-турецких отношений привели Каннинга к мысли о необходимости переменить курс и связать Россию хотя бы обязательством не действовать в восточном вопросе единолично. Надеясь получить для Англии роль главного умиротворителя и покровителя Греции и повести Россию в фарватере своей восточной политики, Каннинг с конца

²⁹ Архив МИД. Канцелярия, 1824 г., д. 6939, стр. 376—377.

³⁰ Там же, 1829 г., д. 6942, стр. 137—139.

1825 г. начал предпринимать решительные попытки вовлечь Россию в двусторонние англо-русские переговоры по греческому вопросу.

С другой стороны, Александр I сознавал, что союз с Англией на приемлемых для России условиях был бы неодолим для других заинтересованных держав, включая и Порту, и явился бы политической комбинацией, способной разрешить до конца греческую проблему.

С лета 1825 г. в донесениях Ливена всё чаще стали появляться замечания о том, что Каннинг даёт ясно понять своё «искреннее» и «дружеское» расположение к России³¹. Супруги Ливен были к этому времени ревностными сторонниками сближения с британским кабинетом, и в конце июня княгиня Ливен, руководившая дипломатической деятельностью своего мужа, выехала из Лондона в Петербург. Здесь ей была поручена весьма ответственная миссия — начать переговоры о сближении двух держав³². Через несколько дней после отъезда княгини Ливен Александр I отправился в своё последнее путешествие — в Таганрог.

Таким образом, союз с Англией, заключённый Николаем I через три месяца после его вступления на престол, был завещанием, оставленным ему Александром I.

После смерти Александра I разрешение восточного вопроса сразу подвинулось вперёд благодаря решительной политике Николая I. Этот реакционнейший монарх, ознаменовавший своё воцарение казнями и ссылками лучших людей России и установлением жестокого полицейского режима внутри страны, не мог, конечно, лично сочувствовать в какой бы то ни было степени революционной борьбе греков и не раз заявлял, что считает их мятежниками. Он ясно заявил дипломатическим представителям о своей готовности в случае надобности оказать помощь европейским монархам в подавлении революционных движений³³, что он и доказал в 1848 году.

Однако, выполняя требования военно-феодално-купеческой верхушки, заинтересованной в расширении торговли и в стратегических позициях на Средиземном море, Николай I вынужден был вопреки своим реакционным взглядам выступить в защиту греческого восстания против сил турецкой реакции. В его решительном стремлении развязать войну против Турции значительную роль играло также желание разрядить революционную атмосферу внутри страны, отвлечь русский народ взрывом патриотизма, сознанием, что Россия воюет за национальное освобождение единого греческого народа.

Немедленно же по вступлении на престол Николай I в беседах с эрцгерцогом Фердинандом и принцем Вильгельмом Прусским, посланными Австрией и Пруссией для приветствия нового императора, а также с послами Англии и Франции дал всем ясно понять, что намерен покончить дело с Грецией в возможно короткий срок³⁴. Эти заявления усилили стремление английского кабинета к соглашению, тем более, что попытки приобрести исключительное влияние на греческое правительство и заключить компромиссный мир между ними и Портой при единоличном посредничестве британского посла не привели ни к чему.

В начале января 1826 г. в Петербург был послан герцог Веллингтон, которому было поручено достичь соглашения по греческому вопросу. Одновременно Ливен от имени русского правительства заявил Каннингу, что «Россия будет настаивать на применении к Порте в случае крайней

³¹ Архив МИД. Канцелярия, 1825 г., д. 6956; 1826 г., д. 6958.

³² Подробное описание переговоров княгини Ливен с Александром I и Нессельроде имеется в её дневнике, найденном в Русском архиве МИД и опубликованном в 1925 г. на английском языке — «The unpublished diary and political sketches of Princess Lieven», p. 95—97. London. 1925.

³³ Деша Зичи Меттерниху от 24 апреля 1828 г. Т. V, стр. 207.

³⁴ Prokesh-Osten. Указ. соч. Т. IV, стр. 215—217, 222, 223.

необходимости принудительных мер, и если Англия не согласится на них, то... мы пойдём на это без её согласия»³⁵.

Таким образом, ещё перед отъездом Веллингтона из заявлений Ливена, а затем и из официальных высказываний Николая I Каннингу стало ясно, что диктовать свои условия не придётся — надо лишь свести до возможного минимума воинственные стремления русского царя и не допустить его действовать единолично.

Но Николай I ещё до окончания переговоров с Веллингтоном отделил греческое дело от русско-турецких разногласий в вопросе о проливах и судьбе балканских народов.

17 марта он послал Порте через русского поверенного в делах Минчиаки ультиматум, грозивший в самый короткий срок разрешить русско-турецкие разногласия при помощи оружия. Направляя ультиматум Турции в то время, как переговоры с Веллингтоном уже начались, император прямо заявил, что эта часть вопроса касается только русских интересов и он будет разрешать её вполне самостоятельно, без какого-либо участия других держав и в частности Англии. Тон ультиматума был вполне решительным и свидетельствовал о готовности довести дело до конца.

Ещё Александр I в октябре 1825 г. отправил Порте очередной протест против продолжавшегося упорного невыполнения ею своих обязательств. Молдавия и Валахия всё ещё частично были оккупированы турецкими войсками, и там хозяйничали военные власти, что было совершенно несовместимо с привилегиями княжеств и автономными договорами.

Николай I построил новый ультиматум³⁶ в основном на этих же требованиях. Порта не выполнила своих обязательств, она не ответила на русские ноты протеста. «Император и его министры желают установить между двумя государствами устойчивые и прочные отношения без разногласий и дальнейших дискуссий». Для этого необходимо в течение шести недель, считая с сегодняшнего дня, очистить княжества, восстановить все права судоходства в проливах, освободить без промедлений заключённых сербских депутатов и вернуть все привилегии, данные сербской нации. Чтобы отплатить России за долгое невыполнение обязательств, Порта, принимая в отношении княжеств и Сербии вышеуказанные требования, должна послать на границу с Россией представителей для переговоров с представителями императора по всем вопросам, обсуждавшимся в Константинополе с 1816 года.

В день отправления Порте ультиматума Нессельроде отослал русским послам при иностранных дворах депешу³⁷, в которой прямо заявлял, что в случае неприятия ультиматума, русский поверенный в делах Турции Минчиаки немедленно покинет Константинополь. «С этого времени, — пишет Нессельроде, — принудительные меры будут непременно и немедленно приняты его императорским величеством». Россия рассматривает свои разногласия с Портой как дело «специально русское» и на прямой вопрос требует прямого ответа.

На предполагавшихся переговорах должны были быть урегулированы все вопросы, касающиеся интересов Русской империи, главным образом жизненные вопросы южнорусской торговли и навигации. Переговоры эти должны были также сыграть большую роль в судьбе народов Сербии, Молдавии и Валахии, так как Россия требовала их полной автономии. Но русский конфликт с Турцией не мог быть окончательно урегулирован даже при благополучном разрешении этих вопросов, так как греческая проблема продолжала оставаться для России жизненно важной.

³⁵ Prokesh-Osten. Указ. соч. Т. IV, стр. 238—241.

³⁶ Там же, стр. 224—228.

³⁷ Там же, стр. 246—254.

Рост английского влияния в Греции, стремление Каннинга установить над Грецией английский протекторат и превратить её впоследствии в свою стратегическую базу на Средиземном море представляли собой непосредственную угрозу русским интересам. Поэтому Николай I в свою очередь стремился связать Англию обязательством о «бескорыстии» и не допустить распространения её исключительного влияния в Греции.

Миссия Веллингтона подоспела как раз во-время. Послав Турции ультиматум и заявив тем самым, что не допустит Англию вмешаться в свои «личные дела» с восточным соседом, Николай при помощи Ливенов начал переговоры с герцогом Веллингтоном³⁸. Они были проведены чрезвычайно успешно. В результате в Петербурге был подписан 4 апреля 1826 г. англо-русский протокол³⁹, который в некоторых пунктах весьма не понравился английскому министру иностранных дел.

Державы обязались предложить Порте посредничество на основе полной внутренней автономии Греции при условии уплаты султану ежегодной дани. В параграфе 5 протокола они также взаимно обязались «не искать никакого увеличения своих владений, никакого исключительного влияния и никаких торговых выгод для своих подданных, которые не могли бы принадлежать подданным каждого другого государства». Особенно большое значение русская сторона придавала параграфу 3. В нём говорилось, что примирение между Портой и греками должно совершиться при «общем или единоличном» участии сторон. Этот параграф, по существу, развязывал руки России для «единоличного» воздействия на Турцию в случае «благоприятных обстоятельств». Николай I не без основания считал его своей прямой победой.

Параграф 5 протокола тоже не противоречил желаниям Николая I и, как показали дальнейшие события, не помешал ему действовать в полном соответствии с высказанными им намерениями. Каннингу не удалось «связать» Россию в такой мере, как он того желал. Этим соглашением он достиг, конечно, известного контроля Англии над действиями России, но в гораздо большей степени сама Англия оказалась связанной с русской политикой. В дальнейшем она была вынуждена подчиниться русской точке зрения на вопрос и способствовать развязыванию той самой русско-турецкой войны, предотвратить которую был призван герцог Веллингтон, подписывая протокол.

«Когда Каннинг получил этот документ, — писала Ливен, — он не был достаточно уверен, следует ли поздравить себя с успехом или же признать себя попавшим в ловушку, потому что он содержал в себе многое, что было за пределами его инструкций и желаний. Англия оказалась окончательно связанной. Он показывал мне довольно просто свои колебания и даже сожаления»⁴⁰.

Вследствие этого последующая политика Каннинга была направлена на то, чтобы затормозить проведение в жизнь условий греческого протокола⁴¹. Николай I же был вполне доволен протоколом. Он полностью совпадал с его желаниями во всех пунктах и ничем «не связывал» свободы его действий. То устройство Греции, которое предусматривалось протоколом, вполне соответствовало русским интересам и по существу мало чем отличалось от Мемуара Александра I от 9 января 1824 года. Николай I высказывал твёрдую решимость провести в жизнь греческий протокол всеми доступными средствами — вплоть до совместного или единоличного применения к Порте «принудительных мер» — и готовился

³⁸ Подробное описание переговоров см. в «The unpublished diary and political sketches of Princess Lieven», p. 112.

³⁹ Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россией с иностранными державами. Т. XI, стр. 341—343.

⁴⁰ «The unpublished diary and political sketches of Princess Lieven», p. 133.

⁴¹ См. мою статью «Внешняя политика Каннинга и греческий вопрос (1822—1827)» («Вопросы истории» № 12 за 1947 год).

посадить на президентское место в Греции своего приверженца графа Каподистрия.

25 сентября 1826 г. в местечке Аккерман, на русско-турецкой границе, русскими уполномоченными Воронцовым и Рибопьером была заключена с турецкими уполномоченными Сеид-Махмедом-Нади и Сеид-Ибрагимом-Иссет Аккерманская конвенция; она удовлетворяла все требования, предъявленные Россией Порте.

В этих требованиях не было ничего нового по сравнению со старыми русско-турецкими договорами; конвенция лишь разъясняла и уточняла их по всем важнейшим пунктам, нарушавшимся в последние годы Турцией. В первую очередь это касалось устранения всех и всяческих препятствий для русской навигации в Чёрном море и проливах, свободного прохода торговых судов под русским флагом через проливы и «полной свободы торговли во всех областях Высокой Порты как на суше, так и на море»⁴². С другой стороны, она ещё раз подтвердила все привилегии дунайских княжеств и Сербии и тем самым укрепила русское политическое влияние на Балканах.

Аккерманская конвенция давала Николаю I всё, что он рассчитывал в то время получить в европейской части Турции, не вступая в войну с султаном.

В одной из инструкций Нессельроде писал: «Единственной целью петербургского кабинета должно быть отныне, при настоящем положении дел, добиться необходимого влияния, спасти от неизбежного истребления народ, гибель которого оскорбляет Россию в её религиозных идеях и наносит вред её торговому процветанию, иными словами, видеть, что Аккерманская конвенция точно исполняется турками и что Греции обеспечено благополучное и спокойное существование во исполнение протокола 23 марта (4 апреля)»⁴³.

Каннинг и другие политические деятели Англии ясно понимали, что им не удалось до конца «связать» Россию и что протокол не помешает Николаю I выполнить его планы на Востоке. Чтобы усилить противовес России, Каннинг использовал параграф 6-й протокола, в котором говорилось о привлечении к участию в нём других держав. Учитывая крайнюю реакционность правительства Франции и его дружескую позицию в отношении Оттоманской империи и египетского паши, Каннинг правильно рассчитал, что политика затягивания и отвлечения России от решительных действий найдёт весьма ревностную поддержку в лице французской дипломатии.

Чтобы не потерять окончательно остатков своего влияния в Средиземном море, реакционное правительство Франции вынуждено было включиться в переговоры держав. 8 декабря 1826 г. министр иностранных дел Франции Дамра представил Гренвиллю ноту, в которой выражал желание присоединиться к протоколу и превратить его в договор пяти держав⁴⁴.

Что же касается Меттерниха, то он, узнав о греческом протоколе, пришёл в негодование. В своём дневнике и дипломатических посланиях он изрёк огромное количество неместных эпитетов по адресу его авторов, объявил его «мертвоорожденным младенцем» и наотрез отказался участвовать в предложенном ему соглашении⁴⁵. Этим самым он поставил Австрию в совершенно изолированное положение, и её дипломатическая роль в разрешении восточного вопроса была сведена к нулю (если не считать интриг австрийского посла в Константинополе и активной военно-морской помощи Турции против греков).

⁴² Prokesh-Osten. Указ. соч. Т. IV, стр. 294.

⁴³ Там же, Т. V, стр. 19—20.

⁴⁴ Там же, Т. IV, стр. 311.

⁴⁵ Metternich Cl. W. L. Mémoires, documents et écrits divers. Vol. IV, p. 282—283. Paris. 1880.

Главные пункты Аккерманской конвенции о свободе морской торговли не могли быть полностью выполнены в условиях продолжавшейся войны в водах Леванта. Как показали дальнейшие события, Порты, поглощённая войной с греками, не намерена была осуществлять аккерманские обязательства и продолжала чинить всяческие препятствия русской торговой деятельности.

К началу 1828 г. убытки, нанесённые торговле Одессы греко-турецкой войной, составили около 3 млн. рублей, как отметил Николай I в своей беседе с Зичи⁴⁶. 14 ноября 1826 г. граф Киселёв (тогда начальник штаба южнорусской (2-й) армии) писал Закревскому: «На юге дела совсем плохи. Торговли вовсе нет. Мука здесь подражается по 3 р. 15-ть за четверть. Пшеница 5 руб., и в деньгах недостаток величайший. В Одессе сложено пшеницы более миллиона четвертей, а кораблей пришло 80, т. е. для нагрузки 160 тысяч. Остальной хлеб без цены и без покупателей»⁴⁷. Такое положение могло быть устранено только путём окончания войны Турции с греками и урегулирования всех спорных вопросов с Россией.

Николаю I не удалось включить в протокол пункт о применении принудительных мер к султанскому правительству в случае непринятия им условий протокола. Но и во время переговоров о заключении Тройственного соглашения и после них русская дипломатия всё время настаивала на том, чтобы было предпринято соединение военно-морских эскадр союзников в греческих водах с целью эффективного противодействия турецко-египетским военным силам, направленным на окончательный разгром последних очагов восстания.

Но правящие круги Англии и Франции боялись развязывания военных действий в Средиземном море при участии русского флота, опасаясь усиления России. Вследствие этого при переговорах о Тройственном соглашении английская и французская стороны возражали против включения в договор пункта о «принудительных мерах» и отрицали необходимость военных действий. Они затягивали переговоры. Но русская дипломатия всё время держала своих будущих союзников под угрозой немедленного единоличного выступления (согласно § 3 протокола) и этим добилась того, что Каннинг и французский министр иностранных дел Виллель вынуждены были пойти на уступки. По возвращении Каннинга из Парижа, где он вёл переговоры с Виллелем, начался его совещание с Ливеном⁴⁸, длившиеся 15 дней. Ливену было поручено выяснить, насколько императорский кабинет может рассчитывать на сотрудничество английского правительства, «в какой степени и в каких границах». Он заявил Каннингу, что русское правительство ждёт немедленного категорического ответа. «Если мы не получим моральной уверенности, — продолжал он, — что при любом положении дела английский кабинет последует вместе с нами до конечной реализации плана умиротворения Греции, и до тех пор, пока не будет дано русскому двору формального уверения в этом, я не имею полномочий продолжать переговоры»⁴⁹.

После пятнадцатидневной дискуссии Каннинг был вынужден наконец уступить и 20 ноября 1826 г. представил Ливену ноту⁵⁰, в которой в крайне осторожных и туманных выражениях заявил, что в случае окончательного отказа турецкого правительства от посредничества союзников Англия «готова идти с одной Россией в том деле умиротворения, в котором мы чувствуем себя взаимно обязанными не пренебрегать никакими усилиями, чтобы привести его к удовлетворительному исходу». По мнению Ливена, эта нота дала «достаточную гарантию для оправдания тех шагов,

⁴⁶ Prokesh-Osten. Указ. соч. Т. V, стр. 210.

⁴⁷ Сборник Русского исторического общества (РИО). Т. 78 за 1891 год.

⁴⁸ Архив МИД. Канцелярия, 1826 г., д. 6958, стр. 177—194.

⁴⁹ Там же, стр. 55—59. Секретная депеша Ливена от 15 (27) ноября 1826 года.

⁵⁰ Там же, стр. 63—65.

которые мы предприняли немедленно вместе с министром иностранных дел»⁵¹, и «представляет собой молчаливое согласие с точки зрения нашего двора»⁵².

К лету 1827 г. греческая революция находилась на краю полной гибели. Турецкий султан Махмуд II, войска и флот которого терпели от греков страшные поражения в первые годы восстания, пошёл в 1824 г. на соглашение с египетским пашой Могамедом-али. При условии, что его сын Ибрагим будет объявлен верховным правителем покорённой Греции, египетский паша согласился послать против греков хорошо вооружённые и выученные по-европейски войска и свой флот, построенный на верфях Марселя и Ливерпуля и управляемый французами или их учениками — египтянами. Всю весну и лето 1825 г. войска Ибрагима опустошали Пелопоннес. Пала сильная стратегическая база греков Наварин, затем Триполица. Знаменитая оборона города-крепости Миссолонги, длившаяся с апреля 1825 по апрель 1826 г., получила широкий отклик в Европе. После падения Миссолонги прогрессивные силы европейского общественного мнения особенно настойчиво стали требовать немедленной реальной помощи погибавшему греческому народу.

Однако английское правительство, на помощь которого греки возлагали известные надежды (после признания Каннингом греков воюющей стороной), отрёклось от признания их независимости и не оказало им официальной поддержки⁵³. С другой стороны, русское правительство постоянно доказывало своё стремление поддержать выступление греков против Турции. Грекам была известна решительность, с которой была проведена в жизнь Аккерманская конвенция, утвердившая автономию Дунайских княжеств и Сербии, и подписание русским правительством протокола об автономии Греции на основаниях, предложенных Александром I ещё в 1824 г., а также дипломатическая борьба русского кабинета за быстрейшее подписание договора трёх держав и за определение мер для проведения в жизнь условий протокола. Россия всей своей политикой доказывала, что главной движущей силой в греческом вопросе является именно она и от её позиции зависят в значительной степени позиции других держав, в частности Англии. Такая политика России вызывала в греческом народе надежды на помощь русского оружия, и влияние России в Греции особенно выросло в период 1825—1827 годов.

В начале декабря 1826 г. греческое правительство направило в Россию специального посланца Анагнастопуло Панайоти с письмами императору, великому князю Константину, генералу Курута и Каподистрия. С этим же посланцем было отправлено письмо от греческих женщин императрице Александре⁵⁴.

Письмо Николаю I подписано всеми военными вождями революционной Греции во главе с знаменитыми греческими полководцами: главнокомандующим войск Пелопоннеса Исидором Колокотронисом и главнокомандующим войск Эллады Караискаки. Среди имён 22 лиц, подписавших письмо, встречаются имена таких замечательных греческих патриотов, как Кицо Цавела, Плипута, Димитриани и др. Описывая тяжёлое положение на фронтах назависимой Греции, вожди греческого народа обращаются к императору России с просьбой о немедленной военной помощи.

⁵¹ Архив МИД. Канцелярия, 1826 г., д. 6958, стр. 56.

⁵² Там же, стр. 58.

⁵³ Ответ Каннинга на послание греческих вождей от 1 декабря 1824 г. о соблюдении Англией нейтралитета и отказе признать их независимость, — см. Stapleton A. Political life of George Canning. Vol. II, p. 444.

⁵⁴ Письма Николаю I и его жене, написанные на греческом языке и затем переведённые на французский, сохранились в русском архиве министерства иностранных дел. Канцелярия, 1827 г., д. 2363, стр. 322—323, 326—329 (греческий текст, стр. 324—325).

Письмо греческих женщин русской императрице с просьбой о помощи и покровительстве написано страстным, патетическим стилем и исполнено горячей любви к страдающей родине.

Анагностопуло не смог доставить письма в Россию в короткий срок. Как пишет Рибопьер, он «по ряду обстоятельств» смог добраться до Константинополя только к сентябрю 1827 г., уже после заключения Тройственного соглашения. В это время уже готовились решающие события. Поэтому ответ на письма был излишним.

Однако факт отправки писем русскому императору и близким к нему людям с просьбой о покровительстве и военной помощи не от лица какой-нибудь партии, а от имени командующих всех военных сил греческого правительства достаточно ярко характеризовал отношение греков к России.

2 апреля 1827 г. единый Национальный конгресс избрал президентом Греции графа Каподистрия. Избрание Каподистрия, в течение 20 лет бывшего на русской дипломатической службе, явилось яркой иллюстрацией того доверия, которое оказывал греческий народ России.

Николай I, со своей стороны, не желал, конечно, упускать возможности усилить своё влияние в Греции через посредство Каподистрия. Ещё Александр I в последние месяцы своей жизни стал думать о вызове Каподистрия из Швейцарии и, по собственному свидетельству графа, посылая ему письма, «составленные в самых ласковых выражениях»⁵⁵. Николай I вызвал его в Россию, осыпал милостями и предложил должность статс-секретаря. Связь Каподистрия с греческими вождями через посредство известного филэллина Эйнара и широкая популярность его имени в Греции уже в начале 1826 г. давали полное основание предполагать, что он является первым кандидатом на руководящие должности в греческом правительстве. И когда Каподистрия был избран на пост президента Греческой республики, он ехал занять этот пост как «любимец русского царя» и явный проводник русского влияния.

В Англии были очень взволнованы избранием Каподистрия на пост греческого президента. Как писал вновь назначенный русский посол в Константинополе Рибопьер, сообщение об этом произвело довольно мрачное впечатление на Стратфорда Каннинга — посла Англии. «Мои коллеги приняли это моё сообщение с весьма заметной холодностью, и г-н Каннинг предпочёл даже хранить по этому поводу абсолютное молчание... и я имел возможность убедиться, что этот посол видит всю важность назначения Каподистрия, которого он считает очень преданным России и способным утвердить среди греков чувство доверия и преданности к императорскому двору, к чему г-н Стратфорд Каннинг относится, повидимому, крайне ревниво»⁵⁶. Такое усиление влияния России в Греции заставило Каннинга торопиться с заключением Тройственного соглашения.

Русское правительство не считало целесообразным превращение протокола в трактат без определения точных мер для исполнения условий будущего договора. Получив принципиальное согласие британского кабинета, а затем и французского на выработку секретной статьи, определявшей эти меры, Николай I стал торопить союзников с окончательной формулировкой пунктов договора и с его подписанием.

В своих депешах русская дипломатия всё время угрожала союзникам единоличным выступлением, согласно статье 3 греческого протокола, и наконец сломила их упорное и длительное сопротивление. Только под такой угрозой Ливену удалось ускорить дело и, главное, включить в договор

⁵⁵ «Русская старина» № 9 за 1898 г., стр. 101.

⁵⁶ Архив МИД. Капцелярия, 1827 г., д. 2363, стр. 622—623.

самую действенную его часть — секретную статью. Основа секретной статьи была сообщена Ливену ещё в январе 1827 года⁵⁷.

Принудительные меры в случае отказа Порты от посредничества держав подразделялись следующим образом: угроза сближения с греками и посылка туда консулов; одновременный отзыв послов договаривающихся держав; если отзыв послов не приведёт к согласию Порты, то соединённые эскадры договаривающихся держав предпримут необходимые меры, чтобы предупредить военные действия двух сторон и установить перемирие между ними, помешать прибытию в Грецию и на Архипелаг всякого подкрепления людьми, оружием или египетских и турецких кораблей; если эти меры будут недостаточны, то договаривающиеся державы наметят в этом случае применение «крайних мер».

После длительной борьбы и дискуссий эти пункты были в том же порядке оформлены в секретную статью Тройственного соглашения. Каннингу удалось только исключить пункт о совместном отзыве послов — мера, которая могла скомпрометировать, по мнению премьер-министра, английский престиж в Турции.

Наконец 6 июля 1827 г. договор трёх держав был подписан⁵⁸. Открытый трактат лишь с очень незначительными изменениями повторял условия англо-русского протокола 4 апреля 1826 г., который, как уже было сказано, в свою очередь, почти полностью был основан на Мемуаре Александра I об умиротворении Греции от 9 января 1824 года.

В инструкции русскому агенту в Смирне, Тимони, Нессельроде так суммировал сущность договора: «Вы сообщите им (грекам), что договор, заключённый между Россией, Англией и Францией, утверждает за ними, под сюзеренитетом Порты и под условием дани и некоторых других денежных жертв, национальную администрацию, полное отделение от турок и совершенную религиозную, торговую и гражданскую свободы»⁵⁹.

Таким образом, весь ход переговоров о подготовке Тройственного соглашения показал, что участие Англии и особенно Франции в деле освобождения Греции всячески тормозило разрешение вопроса вопреки стремлениям России. Однако последней удалось до конца провести почти все свои предложения и, главное, добиться включения в трактат секретной статьи о «принудительных мерах», которая одна только могла обеспечить выполнение условий конвенции; русской же стороне удалось добиться того, что в договоре полностью отсутствует намёк на руководящую роль Великобритании, которая, по первоначальной мысли Каннинга, должна была быть главным представителем союза перед Портой и предложить ей посредничество, только поддерживаемое другими державами. В договоре все три державы выступали как вполне равноправные союзники, готовые на единые действия.

Согласно секретной статье договора, в Средиземное море были посланы военно-морские эскадры трёх держав, которые должны были совместно воздействовать на воюющие стороны с целью достигнуть перемирия. Заключение договора и посылка союзных эскадр к берегам Греции вызвали крайнее раздражение турецкого правительства. 31 августа разгневанный султан дал посламу союзных держав окончательный ответ: «Высокая Порта не может и никогда не сможет слушать разговоры в пользу греков. Это заявление положительно, абсолютно и окончательно».

Чем же было вызвано такое смелое поведение Турции? Оно объяснялось двумя факторами. Первым и главным были успехи турецко-египетского оружия в войне с греками.

⁵⁷ Мартенс Ф. Собрание трактатов. Т. XI, стр. 349. Делегата Нессельроде от 21 января 1827 года.

⁵⁸ Там же, стр. 355—362.

⁵⁹ Архив МИД. Канцелярия, 1827 г., д. 2363, стр. 201.

После взятия Миссолонги египетские войска вернулись в Морею доканчивать её покорение, а Решид-паша с турецкой армией осадил и взял Афины после длительной и жестокой осады. Сухопутная война была, по существу, решена в пользу оттоманских войск. Основной опорой греков оставалась часть Пелопоннеса и острова Гидра, Хиос, Псара. Главное внимание должно было быть перенесено на морские операции. Ибрагим отправился в Александрию формировать новый флот. По планам Махмуда II и Могамеда-али, соединённый флот должен был осадить и взять Гидру, что решило бы участь Хиоса и Псары, а затем высадкой десантов в помощь сухопутной армии докончить покорение всей остальной Греции.

Султан намеревался быстрым и сильным ударом уничтожить греческую революцию ещё до того, как Европа смогла бы что-нибудь предпринять. Как писал Рибопьер, «Порта желает использовать промедление, которое будет длиться в течение нескольких недель, прежде чем будет приступлено к выполнению договора, чтобы бросить как можно больше войск в Морею. Этим способом она надеется достигнуть своей цели — подчинить греков и расстроить все планы союзников»⁶⁰.

Кроме египетской помощи сильным флотом Махмуд II возлагал большие надежды на своё собственное новое войско, уже частично сформированное и обученное арабскими командирами — учениками французских офицеров и самими французами. С другой стороны, его сопротивление в сильнейшей степени подогревалось политикой австрийского канцлера, а также весьма двусмысленным поведением французского и английского послов в Константинополе.

Упорное сопротивление планам союзников со стороны Австрии, вся её политика помощи турецким и египетским войскам и особенно флоту, открытая поддержка прав султана на покорение его восставших подданных внушали членам турецкого правительства мысль о том, что реакционнейший из политических деятелей Европы, Меттерних, путём дипломатических проволочек ещё раз поможет им выиграть время. Эта политика давала также надежду на австрийскую военную поддержку в случае столкновения с Россией.

Что же касается французского и английского послов в Константинополе⁶¹, то они, согласно инструкциям своих правительств, вплоть до Наваринского сражения, а затем после него всё время продолжали в частных аудиенциях заверять членов Дивана в самых дружеских чувствах своих держав к султану и пытались склонить их к уступкам, всячески избегая каких-либо резких выражений или угроз.

Подобный тон представителей союзных держав, с одной стороны, внушал султану надежду на то, что он всевозможными проволочками сумеет выиграть время, и с другой — убеждал его в нерешительности союзников, в разногласиях между ними и в возможно быстром расколе союза в силу противоречивости интересов сторон.

Осмелев, турецкие правители объявили, что не станут выполнять Аккерманскую конвенцию. Как сообщал Рибопьер, они попрежнему не желали допускать в Чёрное море кораблей Испании, Неаполя и Дании — держав, дружественных России, посредством которых осуществлялась русская торговля, и нарушали таким образом пункты о свободе торговли, отнимая у России «возможность ввоза и вывоза русских товаров без каких-либо помех»⁶². Кроме того султан совершенно отказывался заняться устройством Сербии в соответствии с предписаниями Аккерманской конвенции⁶³.

⁶⁰ Архив МИД. Канцелярия, 1827 г., д. 2363, стр. 149.

⁶¹ Послом Англии в то время был Стратфорд Каннинг, послом Франции — Гильемино.

⁶² Архив МИД. Канцелярия, 1827 г., д. 2363, стр. 13—14.

⁶³ Там же, стр. 23.

Сербские депутаты известили русского посла, что протекло уже больше половины срока, предусмотренного конвенцией, а к делу устройства Сербии ещё не приступали. Они просили заступничества и воздействия на Порту⁶⁴.

В депеше от 6 августа Рибопьер доносил Нессельроде, что ни длительные переговоры, ни многочисленные ноты его по поводу свободы торговли в Чёрном море и устройства сербов в соответствии с предписаниями Аккерманского договора ни к чему не приводят⁶⁵.

Таким образом, Порта сама связывала освобождение греков с русско-турецкими отношениями, несмотря на чёткое разделение этих вопросов, сделанное Николаем I.

Русская военно-морская эскадра, состоявшая из четырёх линейных кораблей, четырёх фрегатов и одного корвета, проделала чрезвычайно трудный путь из Кронштадта в Портсмут и оттуда в воды Средиземного моря. Один этот переход, совершённый с пунктуальной точностью и почти без серьёзных повреждений (как позднее отмечали офицеры союзной эскадры), показал, что русский флот явился к берегам Греции как сила, ни в чём не уступавшая морским силам союзников.

По вооружению, числу и качеству кораблей русская эскадра превосходила эскадры английскую и французскую. По данным Военно-морского архива, она была сильнее на один линейный корабль и имела на бортах кораблей в общей сложности от 476 до 492 орудий, тогда как английская эскадра имела 456, а французская 352⁶⁶. Что же касается командиров и матросского состава русской эскадры, то, по единодушному отзыву союзных адмиралов, капитанов и офицеров, они проявили исключительную организованность, умение, ловкость и храбрость в бою.

Как показал весь ход подготовки и проведения Наваринского сражения, это событие было весьма неприятной неожиданностью для правительств Англии и Франции. Боясь ответственности за начало военных действий в Средиземном море и не желая разрыва с Турцией, они так и не дали прямых указаний адмиралам эскадры о необходимости путём вооружённого сопротивления отразить всякие попытки турецко-египетского флота блокировать греческие острова и высадить десанты в Морее, хотя это прямо вытекало из основных статей Тройственного соглашения. Их участие в Наваринском сражении объяснялось единственно только нежеланием допустить Россию действовать самостоятельно.

Каннинг в последние дни своей жизни (он умер в августе 1827 г.) снова и снова подчёркивал, что «существо этого соглашения, являвшегося мирным вмешательством, подразумевает дружескую демонстрацию силы»⁶⁷. Только Николай I дал в своей инструкции адмиралу Гейдену вполне ясное указание на необходимость довести дело в полном согласии с адмиралами союзных эскадр до военного столкновения, если турецко-египетские военно-морские силы начнут высадку десантов в Греции и новые военные действия против повстанцев⁶⁸.

Командиры и матросы русской эскадры, получив в Портсмуте сообщение о том, что им предписано идти на помощь грекам, не мыслили

⁶⁴ Архив МИД. Канцелярия, 1827 г., д. 2363, стр. 31—33.

⁶⁵ Там же, стр. 77—78.

⁶⁶ Эти данные, с незначительными расхождениями, совпадают у ряда авторов, исследовавших историю Наваринского сражения (Веселаго, Мельницкий, Экинс, Богданович).

⁶⁷ Депеша Стратфорду Каннингу. Temperley G. Foreign policy of Canning, p. 403. London. 1925.

⁶⁸ Секретный рескрипт Николая I контр-адмиралу Гейдену извлечён из Военно-морского архива и опубликован в книге А. П. Рыкачёва «Год Наваринской кампании». Приложение, Кронштадт. 1877.

о «мирном крейсировании». Они были воодушевлены горячим сочувствием к героическому греческому народу, борющемуся за свою независимость. Они готовились к справедливой войне против турецко-египетской тираннии, за освобождение порабощённой Греции.

В записи от 8 июня, когда корабли были ещё в Кронштадте, участник сражения на корабле «Гангут» лейтенант Рыкачёв в своём дневнике так выразил общее настроение русских моряков: «Все рады идти дальше и за делом. Так как каждому из нас хочется помочь грекам, то понятно, что мы более всего мечтаем о Средиземном море. Это было бы верхом счастья, и вся наша молодёжь со времени экспедиции адмирала Сенивина постоянно мечтает об этой кампании»⁶⁹.

Наваринское сражение 20 октября 1827 г., в котором союзный флот уничтожил основные военно-морские силы Османской империи, явилось прямым следствием секретной статьи Тройственного договора. Исключительное единодушие и согласованность действий команд и командиров соединённых эскадр в бою, а затем восторженное одобрение Наваринской победы со стороны передового общественного мнения всей Европы показали, что это сражение, проведённое под особым нажимом русской стороны, при упорном сопротивлении французского и английского правительств, явилось необходимым этапом на пути к полному освобождению Греции.

Наваринская битва, в которой команды трёх эскадр сражались за дело национального освобождения греков, создала такое положение, когда невыполнение Тройственного соглашения было уже совершенно невозможно. Уничтожив османский флот, союзные правительства волей-неволей должны были добиваться полного выполнения Портой условий договора, во имя которого лилась кровь в Наварине. Это было победой русской дипломатии, ибо она добилась согласия своих главных соперников на вооружённое выступление против Турции. Однако понадобилось ещё несколько месяцев дипломатических проволочек со стороны «союзников» и затем тяжёлая русско-турецкая война, прежде чем условия Греческого трактата были проведены в жизнь.

По существу, дальнейший демарш английского и французского послов перед реис-эффенди, когда они выразили сожаление о случившемся событии, заявили, что не считают свои державы в состоянии войны с Портой, и уверили её в своём самом миролюбивом настроении, утвердил султана в мысли, что даже в случае разрыва дипломатических отношений ему придётся иметь дело только с одной Россией. Султан объявил Аккерманскую конвенцию расторгнутой, наложил эмбарго на грузы кораблей, идущих к Чёрному морю, закрыл проливы и стал готовиться к открытию военных действий на Дунае. 20 декабря он издал манифест и призвал всех мусульман «к священной войне» против «неверных». 26 апреля 1828 г. Россия объявила Турции войну.

Отказываясь от дальнейших решительных мер и доведя дело до русско-турецкой войны, Англия и Франция отдали, по существу, дело освобождения Греции в руки одной России. Греки и христианские народы Балкан приняли войну России с Портой как войну за их освобождение от турецкого ига. Перед угрозой кровавого подавления революции силой турецко-египетских войск и полного порабощения турецким деспотизмом греческий народ все свои надежды возложил на помощь русской дипломатии или русской армии.

Осуждая традиционную политику западных держав в восточном вопросе, Маркс писал: «В чём состоит этот status quo? Для христианских подданных Порты он обозначает лишь увековечение их угнетения Турцией. И пока они будут стонать под игом турецкого владычества,

⁶⁹ Рыкачёв А. Год Наваринской кампании, стр. 3—4.

они будут видеть в главе греческой церкви, повелителе шестидесяти миллионов православных, своего естественного защитника и освободителя. Та самая дипломатическая система, которая изобретена специально для предотвращения русских захватов в Турции, вынуждает десять миллионов греческих христиан в Европейской Турции обращаться к России за помощью и защитой»⁷⁰.

Царское правительство использовало греческий вопрос для осуществления своих целей. В результате войны было захвачено устье Дуная и черноморское побережье Кавказа. Но основные статьи Адрианопольского мирного договора, заключённого после русско-турецкой войны, явились утверждением Аккерманской конвенции и Греческого договора 1827 года.

Автономия Сербии, Молдавии, Валахии и Греции была завоёвана русскими войсками в русско-турецкой войне. Огромное историческое значение Адрианопольского мира заключается именно в том, что он положил начало становлению и развитию балканских стран и Греции как самостоятельных наций.

Как прямое следствие этого договора и всей политики России в греческом вопросе через год после окончания русско-турецкой войны была провозглашена полная независимость Греции.

---

⁷⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IX, стр. 393.